

Уважаемые коллеги, друзья!

Предлагаемое выступление – это выступление практика, вынужденного порой двигаться на ощупь в области прикладной национальной политики. Не любят наши эксперты, политологи затрагивать в своих исследованиях и публикациях «расстрельную» проблему межнациональных отношений. Количество тех, кто системно занимается данным вопросом, можно сосчитать на пальцах одной руки. В этом легко убедиться, просмотрев публикации известных колумнистов в ведущем ежедневном издании «Российская газета». Как быть в этой ситуации тем, для кого деятельность в данной сфере общественного бытия является смыслом жизни? Позволим себе ответ с неким романтическим налётом, перефразировав при этом известное изречение: «трудиться, искать, найти и не ошибаться». И всегда помнить одно «золотое правило», что когда «дитя не плачет – мать не уразумеет». Ведь было бы наивно думать, что в далёкой Москве ночью в холодном поту просыпается некий ответственный работник с мыслью о том, как там, в заснеженной Сибири, поживают российские немцы.

17 июня 1996 года был принят закон РФ за №74 «О национально-культурной автономии», вызвавший определённые ожидания. С одной стороны, государство надеялось получить важный инструмент для реализации национальной политики, с другой – национальные меньшинства рассчитывали на более существенную государственную поддержку в развитии этнокультурного потенциала. Неудивительно, что в первые годы действия закона различными этническими группами были учреждены сотни федеральных, региональных и местных национально-культурных автономий. Но именно тогда, на раннем этапе становления нового института гражданского общества, появилось и первое препятствие. Национально-культурные объединения, действовавшие по закону «Об общественных организациях» от 1992 года, не готовы были объединиться с национально-культурными автономиями и перейти под юрисдикцию соответствующего закона. А это могло произойти только в добровольном порядке. Таким образом, внутри этнических групп возник источник напряжения, влияющий и поныне на расклад сил в совокупном национально-общественном движении.

Бытует ошибочное мнение, что история культурной автономии в нашей стране берёт начало в 1996 году. Но это не совсем так. Ещё в 1917-1922 годах в России был наработан определённый опыт осуществления национально-культурной автономии. Незнание или пренебрежение этими ценными работками породило впоследствии ряд роковых ошибок при реализации государственной национальной политики в Советском Союзе. Остаётся сожалеть, что советская власть, провозглашая чисто территориальный подход к решению национального вопроса, придала забвению идеи и принципы экстерриториальной национально-культурной автономии. Таким образом, был упущен оптимальный вариант, который бы позволил гармонично соединить

различные подходы к обустройству многонационального государства. По понятным причинам, после раздела территории страны по этническому принципу, подавляющее большинство народов осталось без территорий. В этом случае принцип «всем сестрам по серьгам» не сработал. На практике невозможно было нарезать 200 (по числу национальностей) территорий хотя бы потому, что 2/3 советских народов проживали дисперсно. На их поддержку и нужно было бы направить возможности экстерриториальной национально-культурной автономии. После того как, в свою очередь, учреждённые национально-государственные и территориальные образования были поделены на союзные, автономные республики, области и округа, в стране сложилась классическая «оруэлловская» система, в виде некорректного деления народов на «родных» и «пасынков», «больших» и «малых». В отношении последних возникает образ высокого человека, наделённого по этой причине большими правами, чем маленький.

Для лучшего понимания обсуждаемой проблемы совершим экскурс в историю национально-культурной автономии. В межреволюционный период 1917 года идея культурной автономизации народов России получила существенную поддержку со стороны различных государственных и общественно-политических структур. В российском обществе произошёл небывалый рост национального самосознания. В связи с этим уместным будет напоминание предельно жёсткого изречения Петра Аркадьевича Столыпина, что «народ, не имеющий национального самосознания – есть навоз, на котором произрастают другие народы».

Классическая национально-культурная автономия родом из многонациональной габсбургской Австро-Венгрии конца XIX – начала XX веков. Основные идеи её основателей Отто Бауэра и Карла Реннера не так уж сложны для современного восприятия. Главная из них заключается в том, что источником и носителем национальных прав являются не территории, а нации, образующие некие этнические союзы, состоящие из отдельных персоналий определённой национальности и вступивших добровольно, на основании личных заявлений, в соответствующее объединение. Это положение через сто лет успешно переключилось в российский закон «О национально-культурной автономии». А вот откровенно революционные меры, предложенные во имя устранения угрозы распада многовековой многонациональной Австрийской империи Бауэром и Реннером, российскими законодателями были отвергнуты. Они заключались в праве выборных органов представлять на федеральном уровне интересы своих народов, в праве распоряжения частью налоговых поступлений в объёмах, пропорциональных численности этнической группы, а также в управлении учреждениями культуры и образования, обслуживающими соответствующую этническую группу. В нашем законе в целях создания вертикали взаимодействия государства с национально-культурными автономиями прописана идея формирования системы консультативных советов. Безусловно, её разумное

использование даёт определённый эффект обратной связи. Но камнем преткновения остаётся отсутствие гарантированного финансового обеспечения реализации закона «О национально-культурной автономии».

Статья 4-я закона гласит: «Национально-культурная автономия **имеет право**: получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления...». Право есть, а вот обязанности нет. И, в таком случае, остальные права, перечисленные в данной статье – «...создавать средства массовой информации..., образовательные и научные учреждения...» и т. д. – становятся менее достижимыми. Читаем далее – ст.16 закона гласит «Финансирование и поддержка деятельности, связанной с реализацией прав национально-культурной автономии, осуществляется за счёт средств: национально-культурных автономий, их учреждений и организаций, частных лиц, а также за счёт иных незапрещённых законом источников». Что касается участия в этом процессе властных структур, то формулировка даётся в расплывчатой форме: «Федеральные органы исполнительной власти **могут оказывать** поддержку...», «Органы государственной власти субъекта Российской Федерации **оказывают** поддержку...», а «Органы местного самоуправления **вправе** оказывать поддержку...». Вывод очевиден: основные положения закона «О национально-культурной автономии», не подкреплённые конкретными статьями финансовой поддержки и требованием учреждения специальной защищённой статьи, обеспечивающей государственную поддержку дисперсно проживающим этническим группам, превращаются в таком случае в декларацию о намерениях.

Первым шагом на пути выравнивания данной ситуации могло бы стать выделение в рамках государственных и муниципальных конкурсов грантов, включая Президентский, особой номинации для финансирования этнокультурных проектов. Сегодня получается, что некоммерческие общественные организации и национально-культурные автономии участвуют в одних и тех же номинациях, мало затрагивающих этнические интересы. Более того, на различных семинарах-совещаниях нас предупреждают, что проект с мононациональной тематикой имеет небольшие шансы на победу в конкурсе субсидий. Как говорили на Руси: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев День». Возникает вопрос, а как тогда решать специфические проблемы того или иного этноса, о необходимости решения которых говорится как в Концепции государственной национальной политики, так и в законе «О национально-культурной автономии»? Вторым шагом реанимации закона могло бы стать создание специального Президентского фонда по поддержке культурных автономий национальных меньшинств. Последующий, третий шаг, логически вытекающий из двух предыдущих, заключается в необходимости внесения ожидаемых изменений и дополнений в соответствующий закон и бюджетное законодательство РФ.

Бесспорно, правоприменение – дорога с двусторонним движением. Государство выдаёт, а общество потребляет. Исходя из этого, я не стал бы «вешать всех собак» на действующий закон, а хотел бы лишний раз восхититься Солоном, утверждавшим более двух с половиной тысячелетий назад, что «законы совершенны настолько, насколько наши граждане способны их выполнять». Безусловно, трудно переоценить значимость финансов в государственных делах. Но их наличие – это не всё. Тем более, если это касается национальной сферы. Здесь без соответствующего уровня пассионарности, разумных идей, воли, солидарности и, наконец, умело выстроенных отношений с органами власти, никакие миллионы не помогут. Это как в «Записных книжках» Ильи Ильфа: «В фантастических романах главное – это было радио. При нём ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».

Вышеизложенные проблемы ни в коем случае не означают, что национально-культурная автономия как особый институт гражданского общества показала свою несостоятельность. Наоборот, мне представляется, что все её успехи ещё впереди, хотя бы потому, что на сегодняшний день у данного института нет реальной альтернативы.

Практическую реализацию национальной политики порой сравнивают с движением по тонкому льду. И в этом контексте слышны сакральные слова: «Не буди лихо, пока оно тихо». Что можно сказать на это? Мы часто твердим, что история ничему не учит, забывая при этом, что она жестоко наказывает «двоечников». Что касается «лиха», то история уже бесчисленное множество раз доказала несостоятельность этого ложного принципа. Ниже приведённый пример может послужить ещё одним тому подтверждением. За два года до развала СССР, 20 сентября 1989 года, состоялся Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопрос о национальной политике партии в современных условиях. Всем хорош был Пленум – яркими выступлениями, разумными предложениями; но у него был один недостаток – он, к великому сожалению, опоздал на два-три десятилетия. В национальной политике, как в жизни человеческой, болезнь легче предотвратить, чем лечить.

Нет сомнений, что в недрах национально-культурной автономии кроется ещё далеко не до конца раскрытый потенциал, и его вовлечение в процесс и разумное использование принесёт благо как нашему государству, так и его народам.

Россия – наш общий многонациональный дом, который мы все вместе строим, и каждый из нас ответственен за качество этой стройки, независимо от того, «прораб» ты или «каменщик».